

Мотивъ послѣдней фразы—параллель между маковымъ цвѣткомъ и матерью—заимствованъ изъ пѣсни, исключительно построенной на подобныхъ параллелизмахъ:

Да нема древа ранишого надъ дубочка,
 Да нема роду риднишого надъ батечка...
 Да нема цвиту свитлишого надъ маковку,
 Да нема роду риднійшого надъ матинку...
 Да нема древа ряснійшого надъ яворка,
 Да нема роду риднишого надъ братька и т. д. ¹⁾.

3) Прич.: Та я жъ лугамы йтыму—лугы розлягатумуться,
 А садамы йтыму—сады розывватумуться ²⁾.

Въ пѣсняхъ очень употребительный мотивъ:

Пойду я лугомъ—и лугы розываються,
 Берегомъ пойду—берегы стынаються ³⁾.

Такимъ образомъ мы наблюдаемъ здѣсь весьма интересный для характеристики украинскаго народнаго творчества обмѣнъ мотивами между отдѣльными видами поэзіи—похоронными причитаніями и лирическою бытовою пѣснью, раскрывающій передъ нами самостоятельную жизнь народнаго слова: оно, безплотное, живетъ и движется, переходя изъ устъ въ уста и находя многообразныя пристанища въ душѣ человѣческой...

Владиміръ Даниловъ.

Бъ исторіи Колиивщины ⁴⁾. (Матеріалы). Первое официальное донесеніе объ украинскомъ возстаніи 1768 г. принадлежитъ перу командовавшаго расположенными въ Украинѣ русскими войсками генералъ-маіора Кречетникова. 18 іюня онъ доносилъ русскому послу въ Варшавѣ князю Н. В. Репнину, въ подчиненіи которому состоялъ,

¹⁾ Чуб. V, 439, 2.

²⁾ Милорадовичъ, Пѣсн. и обр. стр. 184.

³⁾ Чуб. V, 858, № 419; 145, 308 В.

⁴⁾ Свѣдѣнія главнымъ образомъ почерпнуты изъ связокъ №№ 21, 22 польскихъ дѣлъ 1768 г. въ Моск. Архивѣ М. Иностр. Д.

слѣдующее: „Въ здѣшней сторонѣ, а паче около Бѣлой Церкви и Гумана (т. е. Умани), оказалось новое возмутительство; сказываютъ, что здѣшніе крестьяне взбунтовались и будто къ нимъ въ начальствѣ или въ предводительствѣ ими находится нѣсколько запорожцовъ подъ именемъ здѣсь называемыхъ гайдамаковъ, и рѣжутъ большею частію жидовъ, не оставляя женъ и дѣтей ихъ, также губернаторовъ и шляхтичей, отчего великими кучами жида бѣгутъ во внутрь Польши, и уже сіи взбунтовавшіеся близко Житомира были“. Далѣе, Кречетниковъ пишетъ, что распорядился относительно бунтующихъ—*„благоклонно ихъ уговаривать и обращать въ дома ихъ“*. Причину этого крестьянскаго возстанія Кречетниковъ указываетъ въ дѣйствіяхъ польскихъ конфедератовъ, которые наложили поголовную подать на населеніе, вслѣдствіе чего „крестьяне, пришедъ въ замѣшательство, тѣмъ начали, что сборщика (собиравшаго эту поголовную дань въ пользу конфедератовъ) перваго выгнали, а затѣмъ уже вышедоясенное озорничество послѣдовало“. Заключаетъ свое донесеніе Кречетниковъ просьбою къ Репнину о „наставленіи“, какъ быть съ бунтующими.

Но гораздо ранніе полученія этого рапорта, Репнинъ имѣлъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія о возстаніи изъ польскихъ источниковъ.

Еще 19 іюня онъ писалъ, между прочимъ, въ Петербургъ къ графу Н. И. Панину, въ рукахъ котораго въ то время сосредоточивалось руководство внѣшнею политикою Россіи: „Слышно еще, что мужики здѣшней Украины около мѣстечекъ Богуслава и Черкасовъ, близъ нашихъ границъ, зачинаютъ бунтовать противъ своихъ господъ. Но сіе уже не въ пользу возмутителей (т. е. барскихъ конфедератовъ) и не касается, говорятъ, того, а можетъ быть, что настоящіе грабежи, разоренія и набѣги тому причиною“. Однако Репнинъ къ этому сообщенію добавлялъ: „Считаю сіи вѣсти неосновательными“. Въ концѣ того-же письма онъ шифромъ пишетъ такъ: „Но, однимъ словомъ, состояніе здѣшней земли жалкое, и не справится она долго отъ разореній, которыя настоящіе замѣшательства приключаютъ. Нѣтъ мѣста, гдѣ-бы огонь не былъ готовъ загорѣться“.

Въ постъ-скриптумѣ этого-же письма Репнинъ жалуется Панину на генерала Кречетникова (которому пришлось подавлять украинское возстаніе 1768 г.), упрекаетъ его въ непомѣрномъ корыстолюбіи и говоритъ о немъ: „Ремесло свое не довольно знаетъ и головы генераль всей не имѣетъ“.

24 іюня, не получивъ еще донесенія Кречетникова отъ 18 іюня, Репнинъ писалъ ему: „Дошли сюда подлинныя извѣстія, что здѣшніе украинскіе мужики около Гумана, Чигрина, Крылова, Чиркасовъ и Богуслава взбунтовались противъ своихъ помѣщиковъ, и какъ изъ оныхъ многіе (=многихъ, т. е. помѣщиковъ), такъ и часть жидовъ перерѣзали, а другихъ отъ себя разогнали. Притчину сему приписываютъ фанатизму къ нашему закону, ибо они (т. е. взбунтовавшіеся) *хотя* большей частію *унеаты*, но подлинно того въ своемъ невѣжествѣ *сами не знаютъ, какого они закону, а считаютъ себя нашего*. Однако нашъ высочайшій дворъ инаго не желаетъ, какъ *спокойствія здѣшней земли*; слѣдственно не надлежитъ способствовать сему новому огню, а напротивъ всячески надлежитъ стараться оной *утушить, не оскорбля* однакожъ *тѣхъ мужиковъ*, а *ласку* къ тому употребляя, уговаривая ихъ дружески, чтобы онѣ въ дома свои возвратились и жили бъ тамъ смирно и въ повиновеніи къ помѣщикамъ, какъ обыкновенно... Если жъ вамъ неподалеку будетъ, то изволите послать дружески тѣхъ мужиковъ уговаривать, какъ выше сказано, кого изъ надежныхъ и способныхъ офицеровъ, но чтобы онъ былъ русской и *нашего закона* (т. е. православный), дабы тѣмъ мужикамъ былъ *пріятнѣе*. А если есть разумной священникъ у васъ въ корпусѣ, то бъ и того съ тѣмъ офицеромъ товарищемъ можно было послать, для того жъ вида успокоенія сихъ мужиковъ“.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ Кречетникову, Репнинъ 26 іюня писалъ Панину, что „мужицкой бунтъ часъ отъ часу по здѣшнимъ публичнымъ извѣстіямъ умножается“, но добавлялъ: „Сему я съ трудомъ вѣрить могу, понеже должно бъ объ томъ нашимъ генераламъ меня извѣстить, ибо они находятся въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ“ (донесеніе Кречетникова отъ 18 іюня все еще получено не было).

30 іюня Репнинъ предлагаетъ Кречетникову „посылать разѣзды и партіи (войскъ) къ Гуману и далѣе, коли нужда будетъ, для извѣстій о бунтующихъ мужикахъ“. Въ томъ же письмѣ онъ пишетъ: „Бунтъ здѣшнихъ крестьянъ, конечно, успокоить надлежитъ... Начиная ласково; наконецъ, если они того не послушаются, захотятъ распространить сей оговъ и вовнутрь земли ворваться, то сего, конечно, не допускать, хотя бъ и силу противъ онаго употребить“.

Въ этомъ-же письмѣ Репнинъ высказываетъ и общую принципальную точку зрѣнія, съ которой русское правительство взглянуло на украинское возстаніе 1768 г.: „*Все, что разрушаетъ здѣсь* (т. е.

въ Польшѣ) *спокойствіе, намъ вредно, и слѣдственно намъ тому препятствовать надлежитъ*, и, конечно, сего бунта мужицкаго во внутрь земли не допускать вороваться“. Особенно настаивалъ Репнинъ на немедленномъ успокоеніи запорожцевъ, участвовавшихъ въ возстаніи. Прежній тонъ въ сужденіяхъ о взбунтовавшихся, начиная съ этого письма, нѣсколько измѣняется. Репнина взволновалъ слухъ о томъ, что „сія каналья“ разорила турецкое мѣстечко Балту, каковое обстоятельство можетъ „раздразнить“ Порту.

Въ письмѣ отъ 2 іюля къ Панину Репнинъ передаетъ тотъ-же слухъ о разореніи Балты и пишетъ: „Касательно бунту мужиковъ, въ которой, дѣйствительно, наши запороосцы вмѣшались, велѣлъ я сдѣлать публикацію...; а въ случаѣ ослушности, какъ съ злодѣями съ ними поступать“. Когда слухъ о разореніи Балты подтвердился, Репнинъ написалъ, 10 іюля, Кречетникову: „Понеже извѣстенъ уже я подлинно, что татарское мѣстечко Балта бунтовавшими здѣшними крестьянами разорено, въ коихъ всѣхъ безпорядковъ наши запороосцы участіе имѣють, и понеже и то знаю, что однимъ симъ послѣднимъ татары вышеписанное разореніе причитають, то надлежитъ намъ строгости противъ сихъ разбойниковъ и для сыску ихъ старанія приумножить“.

Того-жъ числа онъ писалъ Панину: „Нѣтъ нужды, кажется, вашему сіятельству мнѣ представлять, сколь строгаго наказанія такое запороосцовъ преступленіе достойно, *по важнымъ слѣдствіямъ, которые противъ Порты отъ сего произойти могутъ*“. Затѣмъ проситъ Панина сдѣлать распоряженіе, чтобы плѣнные гайдамаки и особенно ихъ вожди были наказаны въ Кіевѣ построже, и добавляетъ: „Тожъ не прикажете-ли и здѣсь нѣсколькихъ изъ оныхъ (т. е. гайдамакъ) *повѣсить*, а особливо начальниковъ въ близости границъ турецкихъ, и давь имъ объ томъ извѣстіе, *дабы узнала чрезъ то Порта*, что мы участія въ ихъ поступкѣ не имѣемъ“.

Въ тотъ же день, 10 іюля, Репнинымъ было послано письмо къ русскому послу въ Константинополь, Обрѣзкову, заключающее въ себѣ, между прочимъ, такія извѣстія о гайдамакахъ. „На сихъ дняхъ получилъ я извѣстіе, что подъ Гуманомъ наша партія (войска) нашла знатную и, думаю, главнѣйшую часть бунтующихъ мужиковъ; сколь же скоро приближились къ нимъ наши войска, столь скоро посылали ихъ уговаривать, чтобъ они здались, не желая имъ зла дѣлать, но сіи бунтовщики на оное ружейными выстрѣлами отвѣчали, почему партія

наша тотчасъ ихъ атаковала, и не упустила ни одного, конхъ не побила, всѣхъ взяла въ полонъ».

Взятыхъ въ плѣнъ было 938 человекъ, изъ нихъ 87 запорожскихъ козаковъ и 851 „здѣшнихъ (т. е. польскихъ) мужиковъ“. Сообщая о томъ, что бунтовщиковъ ждетъ „примѣрное наказаніе“, Репнинъ, просилъ Обрѣзкова объявить объ этомъ Портѣ.

Въ письмѣ отъ 26 іюля къ Кречетникову, въ отвѣтъ на его допесеніе отъ 18 іюля, Репнинъ высказываетъ свою радость по поводу того, что запорожецъ Максимъ Желѣзнякъ взятъ въ плѣнъ живымъ и отправленъ въ Кіевъ, и предлагаетъ „чтобъ его съ особливою прилежностью крѣпко содержали, ибо онъ есть одинъ изъ начальниковъ всего запорожскаго грабительства и злодѣйства“. Къ этому прибавляетъ: „Тоже дайте знать, чтобъ объ его туда (т. е. въ Кіевъ) привозѣ тотчасъ высочайшему двору донесено было“.

По письму отъ 8 августа отъ Репнина къ Кречетникову видно, откуда возникло и въ чемъ состояло обвиненіе епископа Переяславскаго Гервасія Линцевскаго въ участіи въ возстаніи. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, Репнинъ пишетъ: „Приложенной при семъ переводъ извѣстій о епископѣ Переяславскомъ объясняетъ развратное его поведеніе, и если оно справедливо, то прошу ваше превосходительство приложить стараніе о пресѣченіи сихъ поступковъ, объявя присланнымъ отъ него (т. е. Гервасія), чтобы они оставили духовенство здѣшной Украины и что вы больше не допустите подобное своевольство. А если онъ, архіерей, имѣетъ какое неудовольствіе или претензіи, то бѣ адресовался чрезъ синодъ къ нашему высочайшему двору“. Затѣмъ предлагаетъ Кречетникову „воспротивиться его (Гервасія) наглости, которая не можетъ иначе обратиться, какъ въ крайнее замѣшательство и въ продолженіе настоящихъ уже столь непріятныхъ хлопотъ“.

Къ этому письму приложено неизвѣстно кому (несомнѣнно, живущему въ Польшѣ уніату или католику, весьма вѣроятно, лицу духовному) принадлежащее донесеніе на французскомъ языкѣ, гласящее слѣдующее.

Взбунтовавшіеся мужики не только противъ дворянъ и жидовъ бѣшенство свое оказали, но также и противъ поповъ греческаго уніатскаго исповѣданія, погубивъ изъ нихъ болѣе 20 свѣтскихъ поповъ, сверхъ монаховъ базилианъ и поповъ римскаго исповѣданія, и чрезъ то сіи бунтующіе принудили духовенство всей украины быть въ по-

слушаніи епископу переяславскому и брать отъ него благословеніе (т. е. такъ называемое «усыновленіе» въ его паству), что и дѣйствительно пошы каневскіе, богуславскіе, корсунскіе, мошенскіе и другіе принуждены были учинить, и какъ нѣкоторые не явились въ консисторію Переяславскую, то, лиша ихъ должностей, помянутая консисторія отдала оныя другимъ иностраннымъ попамъ, кои грабятъ церкви и принуждаютъ сельскія братства давать и подписывать на бумагѣ удостоверение о полученіи сего благословія («усыновленія» въ паству Переяславскую). Цѣль епископа Переяславскаго—создать и распространить юрисдикцію свою въ нашей землѣ (т. е. въ польской Украинѣ), на которую онъ права не имѣетъ, и въ этихъ видахъ онъ возмутилъ и утвердилъ въ бунтѣ нашихъ мужиковъ, чему онъ есть первый зачинщикъ».

Въ письмѣ отъ 20 августа Репнинъ донесъ объ этомъ Панину. «Между прочимъ,—пишетъ онъ,—усмотрите ваше сіятельство, что переяславскій архіерей есть нѣкоторою притчиною, считаю, волненію здѣшнихъ бунтующихъ крестьянъ. Да еще, конечно, тутъ есть его подчиненной игуменъ мотренинской Мелхиседекъ, котораго я самъ знаю, и знаю, что онъ совершенной плуть, человекъ чрезвычайно безпокойной и все въ состояніи сдѣлать... Я осмѣливаюсь представить вашему сіятельству, что время сему архіерею хвостъ присечь *по важности слѣдствій*, которыя отъ всѣхъ сихъ бунтованій произойти могутъ, а унять его, думаю, будетъ трудно, не посадя подъ караулъ».

Результатомъ этого письма было предупреждающее письмо Панина къ Гервасію отъ 2 сентября и повелѣніе перевести Мелхиседека изъ-за Днѣпра въ Переяславъ.

Когда же 6 сентября Репнинымъ была переслана Панину нота польскаго правительства отъ 30 августа—10 сентября, въ которой заявлялся протестъ противъ дѣятельности Гервасія, направленной къ обращенію Польской Украины въ православіе,—послѣ этого, 29 сентября, Гервасію велѣно было переѣхать изъ Переяслава въ Кіевъ.

Для характеристики отношеній Репнина къ Гервасію и вообще къ диссидентскому вопросу интересно письмо Репнина отъ 27 сентября къ князю Прозоровскому, смѣнившему въ августѣ въ Украинѣ Кречетникова. Въ этомъ письмѣ, возмущаясь дѣятельностью Гервасія, Репнинъ писалъ: «Нигдѣ здѣсь (т. е. въ предѣлахъ польскаго королевства) не позволено отъ уніи отступать», и доказываетъ нарушеніе заключенныхъ съ Польшею трактатовъ въ фактахъ обращенія въ

Украинѣ католиковъ и униатовъ въ православіе. Затѣмъ добавляетъ: «Но хотя бѣ и всего сего не было, однако *не время въ настоящихъ обстоятельствахъ* пустыми замыслами архіерея Переяславскаго *хлопоты здѣшнія и замѣшательства умножать*».

Въ заключеніе запрещаетъ чрезъ Прозоровскаго Гервасію возбуждать дѣла о возвращеніи униатовъ къ православію, — «чтобъ онъ болѣе такихъ здѣсь замѣшательствъ не дѣлалъ».

Интересны еще два донесенія Прозоровскаго, также нѣсколько проливающія свѣтъ на дѣло Мелхиседека и Гервасія. Получивъ изъ польскихъ источниковъ свѣдѣнія объ участіи въ возстаніи Мелхиседека, Репнинъ велѣлъ Прозоровскому посѣтить Мотренинскій монастырь и схватить Мелхиседека. Прозоровскій поручилъ это подполковнику Бринку, который, посѣтивъ монастырь, донесъ, что въ монастырѣ ничего подозрительнаго не нашель и что Мелхиседекъ отсутствуетъ изъ монастыря еще съ мая 1767 г. и находится въ Переяславѣ.

Съ другой стороны, Прозоровскій, узнавъ отъ пойманныхъ гайдамакъ, что послѣдніе принуждали униатскихъ священниковъ ѣхать въ Переяславъ къ Гервасію за благословеніемъ, доносилъ: „онъ, епископъ (Гервасій), за показанными попами, дабы оные къ нему ѣхали, никого не присылалъ и писемъ о томъ ни къ кому не писалъ“.

Въ чемъ состояла „вина“ Гервасія и Мелхиседека—становится все болѣе и болѣе яснымъ¹⁾.

Вл. П—но.

Князь Н. В. Репнинъ и Георгій Конисскій. Въ іюль 1768 г. епископъ (впослѣдствіи архіепископъ) Бѣлорусскій Георгій Конисскій, знаменитый печальникъ о судьбѣ православныхъ въ Польшѣ, обратился къ русскому послу въ Варшавѣ князю Н. В. Репнину съ указаніемъ на предполагавшееся въ Могилевѣ устройство поляками конфедерации и съ просьбой о присылкѣ, въ виду этого, „хотя со сто человекъ команды для бытія гдѣ въ Могилевѣ до успокоенія возмущенія“. Получивъ это письмо, Репнинъ писалъ 1 августа въ Петербургъ полковнику Кару.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Дѣль, и Польск. дѣла, 1768 г., связки—20, 21 и 22.